

«ДОБРОВОЛЬНАЯ СМЕРТЬ» И «НОВАЯ ЖИЗНЬ» В АМГУЭМСКОЙ ТУНДРЕ (ЧУКОТКА): СТРЕМЛЕНИЕ УХОДА В МИР МЕРТВЫХ ТЫМНЭНЭНТЫНА¹

Е.А. Давыдова

Анализируется конкретный жизненный эпизод в Амгуэмской тундре в 1951 г. В.Г. Кузнецова, ленинградский этнограф, проводившая полевую работу среди амгуэмских оленеводов на Чукотке непрерывно на протяжении трех лет (с 1948 по 1951 г.), зафиксировала данное происшествие на страницах своего дневника. История состоялась в следующем. В семье, в которой В.Г. Кузнецова проживала большую часть времени, должен был совершиться ритуал «добровольной смерти». Хозяин стойбища высказал просьбу об удушении своим родственником. Однако вопреки традиционным представлениям чукчей о нежелательности невыполнения такой просьбы обряд откладывался, а потом и вовсе был отменен. С учетом социально-исторического контекста того времени и на основе микроисторического анализа частного жизненного происшествия в статье предлагается интерпретация решений и действий непосредственных участников тех событий. Делается вывод, что в период экспансии русской/советской культуры во второй четверти XX столетия люди старались примирить реальность конкретных ситуаций с официальной идеологией и традиционными представлениями и практиками.

Сибирь, чукчи, добровольная смерть, политическое сопротивление, советизация, ритуал.

События, разворачивавшиеся во второй четверти XX в. на Чукотке, как, впрочем, и во многих других регионах не так давно образовавшегося Советского государства, были полны драматизма. Коллективизация, введение системы интернатного образования, ликвидация эксплуататорских классов, шаманов и кулаков, отсталых «пережитков первобытности» — хорошо известные составляющие политики советизации коренных народов Сибири, проводившейся в то время. Однако за этими масштабными наименованиями исторических процессов стояли действия конкретных людей, их повседневная жизнь. К ней и обращается антрополог для подробного «изучения чрезвычайно мелких явлений», чтобы затем перейти «к более широкому интерпретациям» [Geertz, 1973, p. 21].

Анализу одного такого события, произошедшего в Амгуэмской тундре Чукотского района² в 1951 г., посвящена данная статья. Случай был описан советским этнографом В.Г. Кузнецовой в ее полевых дневниках [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 390; д. 403]. Исследователь проводила полевую работу в 1948–1951 гг. среди кочевых чукчей, поселившись в оленеводческой семье (см.: [Кузнецова, 2004, с. 136–162; Михайлова, 2014, с. 112–133]). История состоялась в следующем. Хозяин стойбища, в котором находилась исследователь, дважды изъявил желание умереть традиционным для чукчей способом — быть удушенным одним из своих родственников в ходе ритуала «добровольной смерти». Однако исполнение его просьбы откладывалось, а потом и вовсе было отвергнуто. Почему чукчи повели себя именно таким образом, противоречащим их традиционным представлениям и сложившимся ритуальным практикам? И каковы были мотивации отдельных участников того происшествия? На эти вопросы я попробую дать ответы, погружаясь в культурный контекст события, развернувшегося более полувека назад в Амгуэмской тундре.

Отмечу существенный методологический момент. Обсуждение этого жизненного эпизода не предполагает принятия точки зрения В.Г. Кузнецовой. Хотя текст, составленный именно ею, будет использован в качестве источника, действия абсолютно всех участников описываемой истории, в том числе этнографа, станут предметом анализа в данной работе, ведь В.Г. Кузнецова наравне с амгуэмскими оленеводами принимала участие в тех событиях и влияла на их ход.

В апреле 1951 г. в одном из стойбищ амгуэмских оленеводов тяжело заболел его хозяин — «достопочтенный» чукча, стадовладелец, а также первый председатель молодого колхоза «Тундровик» — Тымнэнэнтын [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 336, л. 63; д. 403, л. 25 об.]. Дневниковые записи В.Г. Кузнецовой говорят о том, что у него было какое-то серьезное заболевание пищеварительной системы. Периодически у Тымнэнэнтына случались приступы сильных болей вни-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 14-18-02785.

² Ныне Иультинский район Чукотского автономного округа.

«Добровольная смерть» и «новая жизнь» в Амгуэмской тундре (Чукотка)...

зу живота. Во время них он не мог ни работать, ни ходить, ни есть, ни спать. Он ложился в пол и стонал. Через какое-то время, иногда быстро, иногда спустя целый день или ночь, боль утихала, и старик вновь возвращался к своим каждодневным делам. Единственным лекарством был камень, разогревавшийся на очаге хозяйкой и клавшийся в специально сшитый ею для этих целей ровдужный мешочек (см., напр.: [Там же, д. 389, л. 2 об.]). Тымнэнэнтын прикладывал его к больному месту, и острая боль отпускала. Кроме того, облегчение приступов приносило массажирование больного места В.Г. Кузнецовой (см., напр.: [Там же, д. 374, л. 2–2 об.]).

Однако на этот раз приступы боли в животе, случавшиеся и ранее, были сильнее обычного. Он стал задыхаться, стонать, «не узнать было Тымнэнэнтына» [Там же, д. 390, л. 13 об.]. Болезнь началась после гостевания старика в стойбище его брата Номгыргына по случаю праздников пээчвакенратгыргын и чымн'акэлвай [Там же, д. 389; д. 390; д. 403, л. 2]³. Впервые Тымнэнэнтын изъявил желание умереть «добровольной смертью уже на второй день обострения болезни. Он стал говорить “как в бреду” о том, что его “ждет упряжка”»⁴, но желание его в итоге не было исполнено [Там же, д. 390, л. 12 об.]. Улучшения тем временем не наступало. За неделю он «исхудал, лицо [стало] как у мертвого», с «ввалившимися» «стеклянными глазами» [Там же, д. 403, л. 17 об.]. Молодая жена, Эттыкутгэвыт, почти не отходила от больного мужа. Но ему становилось только хуже. Тогда на восьмой день непрекращающегося приступа Тымнэнэнтын повторил свою просьбу [Там же, л. 22–23].

Обычай «добровольной смерти» был широко распространен среди чукчей, а также других народов Северо-Восточной Сибири: ительменов, коряков, эскимосов, и он достаточно хорошо описан в литературе (см., напр.: [Богораз, 1934, с. 106–112; Крашенинников, 1949, с. 348; Юхельсон, 1997, с. 197; Кеннан, 1905, р. 214–215; Воас, 1964, р. 615]). Исследователи предлагали различные интерпретации этой экзотической традиции. Ее связывали и с суровыми условиями северного края [Богораз, 1934, с. 106], и с мировоззренческими установками, касающимися представлений о перерождении душ и мире мертвых [Vate, 2003, р. 55–61; Willerslev, 2009, р. 693–704], и с идеей жертвоприношения [Богораз, 1934, с. 109; Batianova, 2000, р. 153], и с психологическими наклонностями коренных жителей Северо-Восточной Сибири [Богораз, 1934, с. 107–108], и с представлениями о престижности насильственной смерти [Там же, с. 108], и даже с идеологией родового строя [Зеленин, 1937].

Чукчи, страдавшие от болезней или старческой немощи, часто предпочитали умереть «добровольной смертью», чем продолжать жить. Они обращались прежде всего к своим сыновьям (смерть от руки сына считалась менее мучительной) или, по крайней мере, к братьям либо каким-то другим родственникам с просьбой исполнить ритуал [Августинович, 1878, с. 55; Ресин, 1888, с. 54; Каллиников, 1912, с. 87; Богораз, 1934, с. 109; Биллингс, 1978, с. 56; Мерк, 1975, с. 138]. Он мог осуществляться тремя способами: удушением, закалыванием копьем и выстрелом из ружья [Богораз, 1934, с. 109].

У чукчей, таким образом, существовала практика прекращения жизни человека, страдающего от физических недугов, или, говоря современными словами,— эвтаназия. Однако, как было показано в работах целого ряда исследователей, этот обычай был связан не столько со стремлением облегчить участь больных и немощных людей, сколько с традиционным мировоззрением чукчей [Batianova, 2000; Vate, 2003; Willerslev, 2009]. Еще В.Г. Богораз отметил, что «добровольная смерть» является жертвоприношением духам [1934, с. 109]. Как показал Р. Виллерслев, оно совершается для духов-предков, живущих в мире мертвых и жаждущих забрать к себе своих родственников [Willerslev, 2009]. Чтобы предотвратить большое количество смертей в земном мире, проводились ритуалы умилостивления духов, в частности ритуал «добровольной смерти».

Человек, принесший себя в жертву, способствовал дальнейшему процветанию и благополучию своего коллектива. Поэтому «добровольная смерть» являлась героическим поступком и приравнивалась к почетной гибели в бою. Сам термин, обозначающий ее в чукотском языке, «вэрэвтэгавык», переводится как «поединок» [Богораз, 1934, с. 108]. Человек, желавший принять «добровольную смерть», произносил те же сакральные формулы, что и побежденные воины, попавшие в руки про-

³ Пээчвакенратгыргын — весенний праздник, сопровождающий разделение оленьего стада, а именно отделение важенок с новым приплодом. Это делалось с целью сохранения новорожденных телят. Чымн'акэлвай — весенний праздник рогов оленьего быка. Он сопровождал празднику весеннего разделения стада [Кузнецова, 1957, с. 293, 300].

⁴ По представлениям кочевых чукчей, умерший человек отправляется в мир мертвых, и путь этот достаточно долг. Он преодолевается или на оленьей упряжке, или пешком. Все зависит от возможностей конкретной семьи: может ли она себе позволить «запрячь» оленей для покойника, т.е. принести их в жертву, или нет [Богораз, 1939, с. 187].

тивника: «Теперь я стал для тебя диким оленем», «теперь я стал для тебя добычей», «поступай со мной как с добычей» [Там же]. Интересно сообщение И. Кибера, что «с сим обычаем» «наиболее соображаются» те, кто «пользуются общим уважением, кто был тоюном и проч.» [Кибер, 1824, с. 116]. Похоже, что чукчи, имевшие почет и уважение в коллективе, были наиболее склонны именно к такому уходу из жизни (см., напр.: [Врангель, 1841, с. 345–346]).

«Добровольная смерть» помогала не только коллективу, но и самой «жертве». По представлениям чукчей, лучшие места для обитания на том свете отдаются людям, умершим «добровольной смертью». Они живут в красном пламени северного сияния и проводят время за игрой в мяч [Богораз, 1934, с. 108]. Как писал участник Северо-Восточной географической экспедиции 1785–1795 гг. Ф. Елистратов, «убитые же оружием, а паче умертвившие сами себя имеют будут блаженнейшую жизнь от прочих. И тамо живут родами, имея множество хороших и белых оленей. О умирающих же само собою мнят, будто бы оные не получают покоя, и по своему зловерию почитают их съеденными дьяволом» [1978, с. 169].

Чукчи верили, что люди, умиравшие от различных болезней, становились жертвами злых духов кэле, пожирались ими, а «добровольная смерть» позволяла избежать этой участи [Богораз, 1934, с. 108–109]. Встретиться с родными на том свете можно было только в случае насильственной смерти: добровольной или в бою [Вдовин, 1976, с. 247]. Кроме того, возродиться в одном из своих потомков опять-таки могли только те, кто умер почтенно, т.е. не от болезней [Там же, с. 248]. В последнем случае злокозненные духи съедали человека.

С описанными представлениями была связана относительная легкость принятия решения умереть «добровольной смертью». Как писал Г.А. Сарычев, «сам больной» просил «о сем, как о милости, желая умереть; ибо у них естественная смерть почитается безчестною и, как они говорят, прилична одним лишь бабам» [1802, с. 109]. С.П. Крашенинников даже назвал самоубийство «последним способом удовольствия» для камчадалов [1949, с. 348].

Если просьба была произнесена вслух, то нельзя было не исполнить воли человека ее высказавшего. Считалось, что даже за излишнее промедление духи рассердятся и будут жестоко мстить. Так, в истории, произошедшей в западной Колымской тундре в 1865 г., поведенной чукчей В.Г. Богоразу и записанной им, человек по имени «Маленькая Ложка» поплатился сполна за свое легкомысленно вслух выраженное желание умереть [Богораз, 1900, с. 52–58]. В порыве гнева на свою жену и сыновей он произнес «формулу», но в итоге передумал и не стал исполнять обряд. Духи разгневались, и на следующий год у него умерли три сына.

Сам больной также мог после смерти вредить людям за неисполнение его воли. «Смертельно мучаюсь я, сжальтесь, отпустите меня к родникам»,— просил богатый и уважаемый оленевод Мирго своих близких [Аргентов, 1857, с. 45]. Но его желание не было исполнено, несмотря на все мольбы. Не помогли даже угрозы, которые стали его последними словами: «Вы мучите меня; за слабодушие ваше я тоже стану мучить вас!» [Там же]. И действительно, Мирго осуществил заклиние: он вселился в своего сына, который стал деспотом, издевающимся над людьми [Там же].

Учитывая вышеописанные представления чукчей о «добровольной смерти», попробуем понять смысл событий, происходивших в Амгуэмской тундре в конце апреля 1951 г. Женщины стойбища Тымнэнэнтына, в соответствии с традиционными взглядами, начали обсуждать необходимые приготовления для исполнения ритуала и последующих похорон после дважды высказанного стариком желания умереть. Многие из них плакали, но не сомневались, что должны исполнить просьбу больного, и говорили об этом как о неизбежном факте [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 403, л. 23 об.].

Однако младший брат Тымнэнэнтына, Тымнелкот, к которому и была обращена просьба, не спешил исполнять обряд. Он уехал в соседнее стойбище к их с Тымнэнэнтыном сводному брату — Номгыргыну. Спустя какое-то время он вернулся с гостями-соседями. Люди стали заходить в полог и рассаживаться в нем. Подали чай и еду. Номгыргын же начал размышлять вслух о просьбе своего брата.

«Как нам поступить? — спрашивал он. — Мы оказались в таком положении, что, с одной стороны, нельзя не уважить твоей просьбы об удушении, с другой стороны, мы живем в новое время, и наши прежние законы и порядки, установленные нашими предками, устарели. Да и не одни мы теперь, среди нас находятся лылэпылыт⁵, которые сообщат своим, русским, о нашей поступке. Что

⁵ Наблюдатели, зрители (пер. с чукот.) [Инэнликэй, Молл, 2005, с. 80].

«Добровольная смерть» и «новая жизнь» в Амгуэмской тундре (Чукотка)...

скажет россиварат⁶, установивший новую жизнь? Конечно, по старым нашим законам, мы бы уважили твою просьбу и даже спешили бы, чтоб тебе не мучиться» [Там же, л. 24 об.–25].

Данная речь не соответствовала традиционному поведению чукчей в ситуациях необходимости осуществления обряда «добровольной смерти». Как правило, родственники если и пытались отговорить человека от его намерения умереть, то апеллировали к своим чувствам, причем делали это очень эмоционально, даже нарочито. По сути, такие речи являлись частью ритуала и в действительности не приводили к перемене решения: вербализованное желание смерти должно было осуществиться. Один нижнеколымский житель, бывший не раз очевидцем добровольного ухода чукчей в мир мертвых, писал, что «соседи и родственники по мере сил и возможности начинают уговаривать фанатика» переменить решение, но отмечал, что эти «церемонии» нередко «притворны» (цит по: [Олсуфьев, 1896, с. 112]). Номгыргын же не стал причитать о приближающейся смерти своего брата, а пустился в серьезные размышления о возможности исполнения этого обычая в принципе, его смысле и вписанности в реалии «нового времени».

Другие чукчи, видимо, тоже испытывали сомнения. Должно быть, из-за этих колебаний Тымнелкот и отправился к Номгыргыну. Последний был уважаемый в амгуэмской тундре человек: бригадир оленеводческой бригады, он сохранял достаточно большое количество личных оленей для конца 1940-х гг. (360 голов), имел трех жен, а также состоял в отношениях «товарищества по жене» с другими чукчами [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 338, л. 1 об.–2; д. 350, л. 9 об.; д. 353, л. 7 об.; д. 366, л. 15 об.]. Все эти характеристики — многоженство, наличие «товарищей», большое стадо — являлись признаками влияния у чукчей. Кроме того, его стойбище было союзным и в то же время «передним» (т.е. главным) по отношению к стойбищу Тымнэнэнтына [Там же, д. 356, л. 1 об.]. В общем, его слово имело вес в обществе, поэтому должно было стать последним.

Из приведенной речи Номгыргына также видно, что он был обеспокоен присутствием «наблюдателей». Находившийся в яранге чукча Анкай, председатель Амгуэмского сельсовета, не вызывал большого доверия из-за его сотрудничества с советской властью. Но главным образом настораживало находжение в стойбище В.Г. Кузнецовой: исследователь воспринималась чукчами как один из представителей новой власти, который может донести «своим» об их «неправильных» поступках. «Были бы мы одни, да в иное-старое время, не оттягивая просьба твоя была бы исполнена,— оправдывался перед больным братом Номгыргын. — Спешили бы мы даже в исполнении твоего желания, чтоб не страдать тебе» [Там же, д. 403, л. 27–27 об.]. Анкай высказался еще более определенно, чем Номгыргын, о своих страхах: «Если тебя удушат,— говорил он Тымнэнэнтину,— не только все твои родственники и люди стойбища Номгыргына, но и мы с ними будем в ответе перед советскими законами» [Там же, л. 25 об.].

В действительности опасения чукчей были напрасными. В.Г. Кузнецова не стала бы «доносить» о происшествии. Этнограф была на стороне людей, вместе с которыми прожила три года и культуру которых пыталась понять. Об этом, в частности, свидетельствует ее официальная телеграмма из «поля» в Ленинград: в ней ни словом не упоминается о неоднозначном отношении чукчей к коллективизации и прочим составляющим советской политики. Там отражена официальная риторика: В.Г. Кузнецова сообщала, что в стойбище-колхозе, где проходила ее работа, она наблюдает «ростки нового» [СПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 28]. Дневники же, не предназначавшиеся для просмотра официальными лицами и являвшиеся настоящим (искренним, честным) интеллектуальным продуктом исследователя, говорят о том, что эти «ростки» пробивались с огромным сопротивлением (см., напр.: [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 342, л. 2; д. 344, л. 18; д. 361, л. 5; д. 396, л. 11]).

Номгыргын искренне хотел исполнить просьбу брата, переживал из-за своего бездействия, жалел его [Там же, д. 403, л. 27]. «Ох,— сетовал чукча,— своим присутствием лишь увеличиваю твои страдания, но ничем не помогаю» [Там же, л. 26]. Через какое-то время после обсуждения в пологе он вновь, уже наедине, подошел к В.Г. Кузнецовой и словно стал спрашивать у нее разрешения: «Исполним волю больного, удушим его?» «Нельзя, нельзя этого делать! — категорично ответила она. — ...Советский период нашей жизни, советские законы не позволяют нам убивать больных. Больных лечат наши врачи, восстанавливают здоровье, и человек вновь становится полезным для общества» [Там же, л. 26 об.–27].

Реакция В.Г. Кузнецовой в той ситуации лишней раз подкрепляла обозначенное настороженное отношение к ней чукчей. Исследователь не переставала доказывать чукчам, в том числе Тымнэнэнтину, устарелость данного обычая: «Все мы, русские, и вы, чукчи, живем в новое

⁶ Русский народ (пер. с чукот.) [Там же, с. 20].

время,— говорила она,— больных у нас лечат, исцеляют, а не удушают. Наши врачи делают чудеса, излечивают от болезней и самых мучительных... Ты председатель колхоза “Тундровик”, ты один из первых кочевников Амгуэмского сельсовета вступил в колхоз, и твоя жизнь, твое выздоровление нужно для дальнейшего подъема колхоза» [Там же, л. 25 об.].

Исследователь действительно боялась возможности осуществления ритуала «добровольной смерти», поэтому всячески пыталась его предотвратить. Дело было не в установленных законах, а на лично-эмоциональном уровне она не могла этого допустить. В дневниках она делилась своими страхами. Например, когда В.Г. Кузнецова впервые услышала просьбу Тымнэнэнтына, она похолодела от ужаса [Там же, д. 390, л. 13]. А увидев, как юноша Ятгыргын взял аркан, «даже задрожала», так как подумала, «не собирается ли [он] уже душить старика» [Там же]. После тихого разговора больного старика с братом Тымнелкотом В.Г. Кузнецова почувствовала, что «надвигается трагическое», а при мыслях о Тымнэнэнтине у нее непроизвольно подступали слезы [Там же, д. 403, л. 22–22 об.]. Она искренне пыталась отговорить чукчей совершить этот ужасный, не гуманный в ее видении поступок. Она говорила им: «[Тымнэнэнтин] выздоровеет» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 403, л. 24].

В.Г. Кузнецова «победила». Номгыргын отказал Тымнэнэнтину в исполнении его просьбы и ушел к себе домой. Таким образом, исследователь сыграла на стереотипном восприятии ее чукчами как представителя русских и, следовательно, проводника нововведений и требований Советского государства. Данный стереотип помог ей воспрепятствовать исполнению обычая. Правда, уже через день она ушла в другие стойбища, так как яранги Тымнэнэнтына из-за его болезни продвигались к летней стоянке медленно, а исследователь спешила попасть на побережье до разлива р. Амгуэмы, чтобы успеть на пароход в Ванкареме [Там же, л. 8 об., 21]. Уже из контекста записей за май, относящихся к периоду нахождения В.Г. Кузнецовой в другом стойбище, становится понятно, что Тымнэнэнтына не стало [Там же, д. 391, л. 9–9 об.]. Возможно, старик умер своей смертью: он действительно был тяжело болен. А может быть, все-таки состоялся «поединок»? Ведь после ухода русского исследователя из стойбища и оставления ею чукчей они могли почувствовать свободу действий. Но этот вопрос погружает нас в область догадок и предположений, в дневниках не найти однозначного на него ответа.

С достаточной определенностью обо всей этой истории можно сказать, что действия как чукчей, так и этнографа разворачивались в определенном социально-историческом контексте и были его проявлением. В период экспансии, порой насильственной, «русской»/советской культуры во второй четверти XX столетия столкнулись две культуры, два мировоззрения. Люди же в своем повседневном взаимодействии старались примирить реальность конкретных ситуаций с официальной идеологией и вместе с тем традиционными представлениями и практикой. При этом человек, как правило, не делал окончательный, «единственно-правильный» выбор в пользу первого или второго, а соотносил сложившиеся обстоятельства с возможными последствиями принятия решения.

Вне зависимости от того, победил ли Тымнэнэнтин в своем последнем поединке за право умереть лучшей и достойнейшей смертью или нет, чукчи, участники анализировавшейся истории, предстают не как пассивные объекты, к которым пришла советская власть и навязала им новый, «не традиционный», чуждый им стиль жизни, и не как фанатичные борцы, готовые умереть за верность традиции. Они оказываются людьми, которые живут и действуют в конкретных ситуациях в соответствии с их личными интересами и жизненными задачами и обладают агентивностью. Своими действиями и решениями они сами создавали свои биографии и судьбы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архивные источники

АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 336, 338, 342, 344, 350, 353, 356, 361, 366, 374, 389–391, 396, 403.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 8.

Литература

Августинович Ф.М. О племенах, населяющих Колымский округ // Антропологическая выставка Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 2. Вып. 1. Приложение. М., 1878. С. 43–56.

Аргентов А. Путевые записки священника миссионера Андрея Аргентова в приполярной местности // ЗСОРГО. 1857. Кн. 4. С. 3–58.

Биллингс И. Журнал, или поденник, флота капитана И. Биллингса // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1978. С. 54–58.

«Добровольная смерть» и «новая жизнь» в Амгуэмской тундре (Чукотка)...

- Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900. 417 с.
- Богораз В.Г. Чукчи: Авториз. пер. с англ.: В 2 ч. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. Ч. 1. 191 с.
- Богораз В.Г. Чукчи: Религия: Авториз. пер. с англ.: В 2 ч. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. Ч. 2. 193 с.
- Вдовин И.С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера: Вторая половина XIX — начало XX в. Л.: Наука, 1976. С. 217–252.
- Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю: В 2 ч. СПб., 1841. Ч. 1. 356 с.
- Елистратов Ф. Дневная мемория геодезиста Ф. Елистратова от Тигильской крепости берегом по Пенжинской губе до реки Пенжины в последовании под командою титулярного советника Баженова с 14-го сентября по 21-е число 1787 г. // Этнографические материалы северо-восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1978. С. 166–172.
- Зеленин Д.К. Обычай «добровольной смерти» у примитивных народов // Памяти В.Г. Богораз: 1865–1936: Сб. ст. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 47–78.
- Инэнликэй П.И., Молл Т.А. Чукотско-русский словарь: Пособие для учащихся 5–9 классов общеобразовательных учреждений. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Просвещение, 2005. 239 с.
- Иохельсон В. И. Коряки: Материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997. 237 с.
- Каллиников Н.Ф. Наш Крайний Северо-Восток. СПб., 1912. 246 с.
- Кибер И. Чукчи // Сиб. вестн. 1824. Кн. 9/10. Ч. 2. С. 87–126.
- Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки: С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. 840 с.
- Кузнецова В.Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских чукчей // Сиб. этногр. сб. М.; Л., 1957. Вып. 2. С. 263–326.
- Кузнецова В.Г. Из неопубликованных материалов Чукотской экспедиции 1948–1951 гг. // Материалы полевых этнографических исследований. СПб.: МАЭ РАН, 2004. Вып. 5. С. 136–162.
- Мерк К. Описание обычаев и образа жизни чукчей // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1978. С. 98–151.
- Михайлова Е.А. Фотографии из экспедиции Варвары Григорьевны Кузнецовой на Чукотку (1948–1951) // СМАЭ. СПб.: МАЭ РАН, 2014. Т. LIX. С. 112–133. (Иллюстративные коллекции Кунсткамеры).
- Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи ее экономического состояния и быта населения: С картою. СПб., 1896. 223 с.
- Ресин А.А. Очерки инородцев русского побережья Тихого океана. СПб., 1888. 78 с.
- Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану: В 2 ч. СПб., 1802. 192 с. Ч. 2.
- Boas F. The central Eskimo. Lincoln: Univ. of Nebraska Press, 1964. 261 p.
- Batianova E.P. Ritual Violence among the peoples of Northeastern Siberia // Hunters and gatherers in the modern world: Conflict, resistance, and self-determination. N. Y.: Berghahn Books, 2000. P. 151–163.
- Geertz Cl. Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture // The Interpretation of Cultures: Selected Essays by Clifford Geertz. N. Y.: Basic Books, 1973. P. 3–30.
- Kennan G. Tent life in Siberia: and adventures among the Koryaks and other tribes in Kamchatka and Northern Asia by George Kennan. N. Y.; L.: The Knickerbocker Press, 1905. 425 p.
- Vate V. Le rituel de mort volontaire: Rendre l'ame pour perpetuer la vie // Chemins d'étoiles, Transboréa. 2003. No 10. P. 55–61.
- Willerslev R. The optimal sacrifice: A study of voluntary death among the Siberian Chukchi // Amer. Anthropologist. 2009. Vol. 36. № 4. P. 693–704.

Санкт-Петербург, МАЭ РАН
elenav0202@gmail.com

The given article analyses a concrete real-life episode happened in Amguem tundra in 1951. V.G. Kuznetsova, a Leningrad ethnographer, who carried out a continuous field work among Amguem reindeer breeders in Chukotka during three years (from 1948 to 1951), recorded that incident on pages of her diary. The story, which became the subject matter of this article, was as follows. In one family where V.G. Kuznetsova had been just residing most of the time, they expected a ritual of «voluntary death». The master of the nomad camp expressed his wish to be strangled by his kinsman. However, despite traditional notions of the Chukchi on undesirability to failure such a request, the ritual was delayed and then was cancelled at all. Addressing to social-and-historical context of that time and making micro-historical analysis of the particular real-life incident, the article suggests interpretation of decisions and actions of the immediate participants of those events. The author comes to a conclusion that in the period of expansion of Russian/Soviet culture, occurring in the second quarter of XX century, people tried to reconcile the reality of concrete situations with official ideology and, at the same time, with traditional notions and practices.

Siberia, the Chukchi, voluntary death, political resistance, sovietization, ritual.